

Глава 1, *в которой состоялся откровенный разговор*

Эва сама не могла сказать, с какого момента и, собственно говоря, зачем она вообще решила подглядеть за сестрой.

После представления?

Нет, конечно. Тогда голова была занята совсем другими мыслями. Странными. Путаными такими, в которых и удивление присутствовало, и радость, и... огорчение. Даже сперва радость, а потом она сменилась совсем-совсем уж огорчением.

Граф.

И племянник императора.

На императора тогда Эва и взглянуть побоялась, очень уж он показался грозным. И даже думалось, что вот он сейчас посмотрит в глаза Эве и все-превсе про нее поймет. Даже то, чего Эва сама не понимает. А он взял и...

— Кто бы мог подумать, — тихо произнесла маменька и поглядела на Эву как-то так... с жалостью?

Нет, Эва привыкла, что ее жалеют.

За несовершенство там жизненное. За то, что у нее ничего-то толком не выходит правильно. И вообще. В целом. Но тут стало горько.

Еще и Эдди...

Его мигом окружили, и те же Лизелотта с Дианой первыми подошли, точнее не сами, а их маменьки, но потом уже и они, и остальные, и...

— Вот и все, — мрачно заметила Тори, прищурившись. — Проворонила графа, сестрица.

Эва ничего не ответила.

Только подумала, что зато у нее перо есть.

Воронье.

Настоящее. И... и остаток вечера она запомнила смутно. Разве что вот танец. Она обещала и Эдди запомнил, хотя теперь, наверное, с ним любая с радостью танцевать согласилась бы.

Потому что граф.

И племянник императора.

Как такое возможно?

Она хотела спросить, когда он подошел, но взглянула на мрачное лицо и промолчала. Улыбнулась так, как учили, очень и очень вежливо. И танцевала, танцевала...

А потом, конечно, не удержалась и глупость ляпнула:

— Вы на него совсем не похожи.

Эдди хмыкнул и впервые улыбнулся. Наверное, глупость совсем смешной была.

— Знаю, — сказал он. — Общей крови у нас нет, а он... вот разве можно так с людьми-то? Без предупреждения.

И плечом повел.

Ткань фрака затрещала.

— Сочувствую. — Если уж говорить глупости, то от всего сердца. Тем более почему-то Эва и вправду сочувствовала. Хотя, казалось бы, как можно сочувствовать человеку, которому только что подарили титул и признали родственником императора?

Слово-то сказано при всех. И уж теперь, даже если император захочет, отказаться от него не выйдет.

— И эти вот еще... — Он мотнул головой. — Барышни, чтоб их...

— Что с ними?

Сердце Эвы сжалось.

— Да... страшно. Смотрят так, будто прикидывают, как загонять станут.

— Станут, — подтвердила Эва. — Всенепременно. Вы теперь очень ценная...

— Дичь?

— Именно. — Страхи вдруг отступили. И обида тоже. В конце концов, он не виноват, что оказался графом. И ладно бы просто... с просто графом Эва, может, и смогла бы породниться, несмотря на подпорченную репутацию.

О чем она только думает-то?

Но вот родственник императора...

И близкий.

Племянник — это вам не четвероюродный кузен по линии давно почившей прабабки. Племянник — это очень и очень серьезно.

И без разрешения императора он жениться не сможет.

А император никогда не позволит родственнику породниться с кем-то вроде Эвы... то ли дело Лилиан. У нее дедушка — герцог. И репутация безупречнейшая.

— В том-то и дело, не привык я быть дичью. — Эдди держал руку очень осторожно. — Не самые приятные... ощущения. Зачем я им нужен-то?

— Чтобы выйти замуж.

— Они же меня боятся. — Он вел и держался так, будто ему не впервой танцевать на императорском балу. И... и что Эва вообще о нем знает?

Кроме того, что он шаман и еще немного ворон?

И что клюв у него грозный, а перья, наоборот, очень мягкие?

Кроме того, что он искал ее. Пускай Эва была ему никем, но искал ведь. И нашел. И пришел. Спас. А потом вернул домой.

Достаточно ли этого, чтобы влюбиться? Или она вновь себе все придумывает? В прошлый раз ведь Эва тоже не сомневалась, что влюблена. И что эта любовь — та самая, истинная, которая от первого взгляда и до последнего вздоха. А сейчас, если подумать, она и лицо-то Стефано вспоминает с трудом.

Так какая любовь?

Или не в любви дело, а в самой Эве? В ее легкомысленности? Маменька рассказывала, что некоторые особы настолько ветрены, что могут влюбляться не в одного мужчину, а... в двух.

Или даже в трех.

Но это, наверное, точно выдумка.

Или нет?

— Это неважно. — Она сумела-таки собраться с мыслями, которые все норовили разбежаться. — Брата моего тоже боятся, но все равно норовят поближе подойти. Дело не в страхе. Дело в положении. Та, что станет вашей женой, она, во-первых, будет графиней.

Кажется, он хихикнул.

От нервов, наверное.

— А во-вторых, ваше родство с императором...

Точно хихикнул.

— ...позволит ей занять очень высокое положение при дворе.

— Понятно. А я?

— А что с вами?

— Зачем мне жена, которая меня боится?

— Ну... она привыкнет. Может быть. И вообще, вы вовсе даже не страшный.

Он поглядел на нее так, сверху вниз. И может, сказал бы что-нибудь, но танец завершился, и Эдди галантно препроводил Эву к маменьке. Второй же раз приглашать не стал, и это было понятно.

Но и с другими не танцевал.

А потом вовсе куда-то исчез к небывалому разочарованию дам. Эва остаток вечера думала... о всяком. И от мыслей становилось то грустно, то смешно, то вообще как-то так, будто бы ей все равно.

Уже в карете Тори заметила:

— Это будет забавно.

А маменька поглядела на нее и строго, как никогда прежде, произнесла:

— Ничего забавного в данной ситуации я не вижу.

Тогда-то Эва и решила приглядеть за сестрицей. Или все-таки позже? Когда дверь ее комнаты скрипнула? Комнаты-то, как и прежде, рядом. А двери скрипучие, хотя их смазывают-смазывают, но они все равно скрипят. Впрочем, Эва знала, что у дома есть свой характер и что Тори он немного недолюбливает, тогда как в комнатах Эвы никогда ничего не скрипит. И сквозняков тоже не случается.

Не забиваются каминные трубы.

И сами каминные горят всегда ярко. Перины мягки, одеяла легки, но сейчас все одно не спалось. Вот совершенно. От мыслей в голове. От того, что она запуталась, а распутаться никак не получалось. Хоть и вправду в монастырь уходи, но...

Но скрипнула дверь. И потом дом вздохнул еще.

А Эва поднялась.

И выглянула в коридор. Осторожненько так. И как раз вовремя, чтобы увидеть Тори, которая медленно шла куда-то. И главное, странно так. Два шага. Остановится. Еще пару шагов. И вновь остановится. И опять. И шаги эти такие... неправильные.

— Эй, — окликнула Эва, но сестрица даже не обернулась. Добравшись до лестницы, Тори застыла перед ней. В полутьме ее фигура просвечивала через тонкое полотно рубахи. И сама Тори казалась призраком, жутковатым, честно говоря. — Тори. — Эва решительно подошла и... поняла.

Спит.

Ее сестра стояла у лестницы с закрытыми глазами. И не решалась сделать шаг.

К счастью.

И... появилась подлая мыслишка отступить. Им ведь случилось во сне ходить. Раньше. В детстве. Когда Дар только-только начинал проявляться. Именно тогда Эва однажды и упала с лестницы. К счастью, ничего не сломала, но там-то, в имении, и лестница была в пять ступенек, невысоких, а тут...

Если Тори упадет, то Эва снова останется единственной дочерью.

Но...

Она осторожно взяла сестру за руку.

— Идем, — сказала ей, разворачивая. И Тори подчинилась. — Надо спать в кровати.

Шаг.

И второй.

И удалось отвести сестру к комнатам, и даже внутрь Тори зашла. И Эва с ней, конечно, чтобы увидеть прикорнувшую в кресле горничную.

Стало быть, маменька, или Берт, или отец заподозрили что-то такое, если приставили эту девицу. А она заснула.

— Ложись, — сказала Эва, подведя сестру к кровати. — Давай, спать пора...

Тори молча забралась в постель и легла на спину. Руки ее вытянулись вдоль тела, а глаза вдруг открылись. И Эва ужаснулась тому, до чего черными они сделались вдруг. Потом уж поняла, что глаза обычные, но зрачок расплылся.

— Сестрица, — сиплым голосом произнесла Тори. — А я тебя вижу.

— Я тебя тоже вижу. Спи давай.

И Тори послушно закрыла глаза.

Эва некоторое время посидела рядом, раздумывая, безопасно ли оставить ее так. Потом попыталась разбудить горничную, но девица лишь бормотала что-то и пускала пузыри. И вздыхала еще так томно, как в романе.

В общем...

Тори, кажется, уснула нормально. И Эва вернулась к себе, решив, что утром обязательно расскажет обо всем маменьке. Пусть или горничную заменят, или дверь закрывают. А то и вправду сверзится сестрица с лестницы и шею свернет.

Не то чтобы сильно жаль, но... как-то это не по-родственному.

А утром Тори явилась сама. Рано. Эва еще и из постели не выбралась, а она уже тут. Умыта, одета и волосы даже заплела в косу.

— Поговорить надо, — сказала сестра, усаживаясь на кровать. — А ты все такая же соня. И копуша.

— Будешь дразниться, — Эва подавила зевок, — сама с собой и разговаривай.

Тори хмыкнула.

— Не говори маме.

— О чем?

— Ты знаешь.

— О том, что ты...

— И соображаешь туго. — Тори поглядела на потолок.

— Это опасно. — Эва выбралась из кровати, чтобы сесть.

Раньше им случалось сидеть вот так, вместе. Рядышком. Но давно. Там, в имении, когда они тайком пробрались на чердак,

потому что Тори была уверена, что где-то там, на чердаке, сокрыты древние сокровища. Эва еще сомневалась, что им там делать.

Но Тори всегда умела убеждать.

И в тот раз тоже.

Сокровищ они не нашли, зато отыскивали сундук со старинными нарядами. И пусть их частью мыши поели, но ведь все равно интересно было. И зеркало то, с трещиной. И еще много другого. А потом, уже вечером, оставленные без ужина — их тогда все обыскались, — они сидели на подоконнике комнаты Эвы, смотрели в ночь и разговаривали о чем-то безумно важном.

Почему потом все пошло не так?

— Да ладно...

— Ты могла свалиться с лестницы. — Эва вытянула ленту из косы. Волосы опять растрепались, и расчесывать их придется гребнем долго. — А здесь лестница такая, что...

— Шею сверну?

— Именно.

— Мне надо.

— Куда?

— Сама не знаю. — Тори обняла себя. — Я спать боюсь. И в то же время... сложно объяснить. Понимаешь, я так устала тогда. Помнишь, маменька все время твердила, что мы должны то, должны се... быть лучше всех. Идеальные юные леди. Манеры, все остальное...

— У тебя ведь получалось.

— И у тебя бы получилось, если бы ты захотела.

— Я хотела!

— Да ну... ты вечно отвлекалась. Просто брала и отвлекалась! И забывала! Тебе целый день твердили о чем-то, а ты потом раз и... а я так не умела! Если бы ты знала, до чего это утомительно... а еще первый бал. Маменька о нем заговаривала, а я только представила, как на меня все будут смотреть, и мне поплохело! И... и курицы эти еще.

— Кто?

— Джемма. И Сара Уайтхилл. Катарина...

— Вы ведь дружили!

— Как бы не так, — фыркнула Тори. — Только такая наивная овца, как ты, могла поверить в эту дружбу.

— Сейчас в нос дам.

— Такой ты мне нравишься больше. А дружба... мы вроде бы и дружили, но каждый раз они давали понять, какое делают мне одолжение. Я ведь из Орвудов! Из тех самых Орвудов, которые некроманты, которые...

— Страшные и ужасные?

— Проклятые.

— Просто невыносимые. И рядом с ними нельзя даже стоять...

— Точно.

Они переглянулись.

И Эва улыбнулась, робко так.

— Я подумала, что... вот будет бал, — продолжала Тори. — Дебют. И маменька ведь выберет не абы так, а самый-самый важный бал...

— Как у герцогини?

— Точно. И там ведь будем не только мы. Там... там соберутся все дебютантки, кто хоть что-то из себя представляет. И мы. И... вот представь, что все танцуют и веселятся, а мы стоим у стены. Целый вечер. И все это видят. Перешептываются. Пальцами не показывают, но и так понятно, что мы... мы...

— Орвуды, — сказала Эва.

— Да.

— Маменька бы этого не допустила, сама понимаешь. Она отписала бы... кузнам. И Берг тоже.

— Понимаю, конечно. Но я... испугалась. Я решила, что потренируюсь. Там. Во снах. Ты же знаешь, что у меня отлично получалось со снами. Вот я и подумала, что могу как-то... свой бал устроить. Во сне. Там ведь все будет именно так, как я хочу.

Тихий вздох.

И удивление. Разве Тори могла вот так? Бояться? Она никого и никогда не боялась!

— И получилось. Раз, другой... потом ужин семейный, когда... когда все рады и довольны. Мама улыбается. Папа... Это затянуло. Я сама не заметила, как увлеклась. И... потерялась.

— Ты?

— А думаешь, я по своей воле там пару лет проторчала?!

— Ну... — Признаться, что Эва думает именно так, не хотелось.

— Все просто. Я создавала мир. И уходила в него. Дальше и дальше. И однажды поняла, что вокруг только он, созданный мною мир. И деваться мне от него некуда совершенно. Я попала в собственную ловушку. Дом. Семья. Любящая. Готовая исполнить любой мой каприз. Ненстоящая. А выйти я не могла!

— Извини. — Эва отвела взгляд. Почему-то было очень стыдно, хотя уж она-то отношения к случившемуся не имела.

А еще почему-то приятно, что Тори тоже далеко не совершенство. Хотя истинная леди не допустила бы подобных мыслей. Но Эва уже поняла, что истинной леди ей не стать.

— Там и время идет совершенно иначе. Я... жила и жила, и... если куда и получалось выглядывать, то в чужие сны. Мысли. Ты бы знала, какие пакости люди видят. А уж думают... Однажды, — Тори передернуло, — я заглянула в одного человека. Случайно. Он... он убивал. Девушек. Совсем молоденьких. Долго, мучительно. Я так испугалась, что... что потом долго не решалась выйти. Все казалось, что он меня обнаружит, дотянется — там тоже не так безопасно. А потом вдруг появилась ты. И... и сбежала.

— Извини, я не знала, что ты на самом деле потерялась. — Может, Эва далеко не истинная леди, но умеет признавать собственные ошибки.

— А я не сказала. Мне вдруг стало так невыносимо стыдно! Я ведь всегда была сильной! А тут вот все это...

— И ты ко мне прицепилась.

— Ну... я подумала, что если прослежу, как ты приходишь и уходишь, то сумею вернуться. А ты... ты вдруг исчезала. Раз, и нет. И я не могла понять, как это происходит.

— Я сама не понимаю, — призналась Эва.

— Я стала тебя искать. И вдруг оказалось, что я могу. Найти. Не только тебя. Отца. Мать. Если сосредоточиться. Если отделить выдуманное от настоящего. Это непросто, но у меня получилось! И я нашла выход!

— Я рада. — Это Эва произнесла серьезно. А Тори кивнула.

— Извини, что... Я просто испугалась, что вы поймете, какая я... дура.

Сестру Эва не обнимала целую вечность. А уж чтобы та...

— Я не позволю этим курам нас обижать, — сказала Тори сестре на ухо. А Эва кивнула. И она тоже не позволит. В конце концов, на балу можно и у стены постоять. Если вдвоем, то даже с интересом, поскольку Тори всегда умела высказываться как-то так... они точно не заскучают.

— Думаешь, на балу у герцогини будет Лилиан?

— И не только она... Спорим, эта курица вырядится так, чтобы все сразу поняли, что у папеньки капиталы? — фыркнула Тори, отстраняясь. — Она никогда не умела вовремя остановиться. И судя по тому ужасному платью, которое она напялила в прошлый раз, за эти годы мало что изменилось.

— Еще бы. А Диана так же млеет от розового.

— Ей он категорически не идет.

— Но это никогда не мешало ей выражать свою к нему любовь... — Эва прикусила язык. Никогда раньше она так ни злословила.

Или...

Почти никогда.

— Я не хочу опять потеряться, — сказала Тори.

— Ты едва не упала.

— Я... знаешь, я ведь понимала, что происходит. Видела. Я снова была там, но все равно не до конца. И... меня тянуло. Вниз. Только тело ощущалось таким... словно чужим. И я пыталась вернуться.

— Поэтому останавливалась?

— Да. И горничную, кажется, тоже я... Твой... знакомый, он назвал меня ведьмой.

— Он не со зла.

— Нет. Это, кажется, правда. Иногда я вижу в людях что-то такое. Это не Дар. Дара у меня нет. Но есть способности. Хотя... все это ерунда. Мне надо вниз.

— Куда?

— Понятия не имею! Но если я не спущусь... Понимаешь, будто зовет кто-то. И ему плохо. Очень-очень. А я могу помочь. Если не помогу, то он уйдет. И я с ним тоже. Уже не понимаю, почему.

— Надо рассказать отцу.

— Надо ли? — Тори поморщилась.

— Надо. — Эва дотянулась до столика. — Расчешешь мне волосы? А то сама я вечно их выдираю. Но рассказать следует обязательно. Если не отцу, то Бергу. Мы с тобой наделали прилично глупостей.

— Это да. — Тори взяла щетку. — Только не вертись. Ты никогда не умела сидеть спокойно.

— И не научилась.

— Зато научилась огрызаться, а это, поверь, куда как полезнее. Эва поверила.

Почему бы и нет. А вот волосы Тори умела расчесывать как никто другой.

Глава 2,

где появляются гости и какой-никакой смысл жизни

— Ах, вы и правда жили в степях. — Девушка нервно моргнула и попыталась изобразить заинтересованность. — Это так... романтично. Я себе и представить не могу.

Она снова моргнула и покосилась на пухлую даму в темно-зеленом платье. Платье было в узкую полоску, и оттого дама сливалась с диванчиком, на котором устроилась.

В руках дама держала фарфоровую чашку и на девушку глядела поверх нее, строго и требовательно.

— Извините. — Девуцу стало жаль, себя еще жальче, и Эдди поднялся. — Но мне пора идти. Дела.

Он поклонился матушке, и та кивнула в ответ.

Вот ведь...

Поневоле начинаешь радоваться, что на территории этого самого университета женщин нет. То есть не было. Теперь будут. Но Милисента — дело другое, как и Эва, которая, может, и похожа на леди, но уж его-то точно не боится. А эти...

Заявились.

Вот с того вечера и потянулись. Сперва прислали кучу визитных карточек, которые матушка разбирала, благо не требуя участвовать в этом преувлекательном процессе. Потом начались визиты.

Матушкиных подружек.

А у тех подружек вдруг оказывались юные и прекрасные родственницы, которых вот прямо срочно требовалось представить.

Родственницы представлялись.

Бледнели.

Одна, наиболее трепетная, и чувств лишилась, чем вызвала недовольство сопровождавшей ее дамы. И тогда-то Эдди подумал, что сбежит.

Не удалось.

А теперь вот...

— Дорогой. — Матушка вежливо постучала в дверь его комнаты, прежде чем войти. Неужели все же бросила гостей?

— Да?

Эдди ослабил узел галстука.

Как удавка, право слово.

— Все хорошо?

Он хотел сказать, что да, но...

— Нет, — вырвалось неожиданно даже для себя. — Прости, матушка, но это все не для меня. Может, мне и впрямь вернуться... Туда.

Сказать «домой» язык не повернулся. Там дома как раз и не было. И тут тоже. А где? Кто ж его знает.

— Потом. Когда завершишь свои дела. — Она поставила огромную кружку на столик. И откуда взяла? Эдди казалось, что таких-то в доме точно нет.

— Потом, — согласился он.

И чай заварен крепко, а не так, как тут принято. Вон, до черноты. И никакого молока. А сахару... он принял. Так и есть, не пожалели.

— Извини. — Матушка села рядом. — Мне стоило подумать, что для тебя все это будет мучительно.

— Почему ты не сказала?

— О чем?

— О том, что ты...

— Сестра императора?

— Именно.

— Да как-то вот... — Она провела ладонью по ткани. — Я не была уверена, что он обрадуется моему возвращению. Оно все же создает некоторые проблемы. И для него в том числе. Да еще брак этот мой морганатический.

— Чего?

Матушка поглядела с легким упреком:

— Не притворяйся глупее, чем ты есть. Я-то тебя хорошо знаю. Я вышла замуж за человека, который много ниже меня по положению. Более того, он вообще не имел титула. И следовательно, я утратила право на свой. Но...

— Кровь — это не титул.

— Верно. И... мы никогда не были особо дружны с братом. Он сложный человек. Наверное, император и не может позволить себе быть другим. Как и слабости. И родственных чувств в принципе.

— Он мог сделать вид, что тебя не знает.

— Мог бы. Или просто сослать куда подальше от города. Запретить появляться в обществе. Запереть в лечебнице для душевнобольных. Он многое мог.

— А вместо этого он назвал меня племянником!

— Не кричи. Слуги здесь верные, но все одно не стоит давать им повод для сплетен. Пей чай. Кстати, Семптоны — это императорская ветвь. Одна из. Мертвая ныне, но теперь получит новую жизнь.

— Я не просил.

— Я говорила ему, что ты не слишком обрадуешься. Но ему показалось забавным.

— Сделать меня графом?

— Видишь ли, дорогой, все немного сложнее. Сын моего брата — мой племянник и наследник престола — он болен. Серьезно. С рождения слаб здоровьем, и все надеялись, что со временем он это перерастет, но становилось лишь хуже. Сейчас надежды почти не осталось. И теоретически ты можешь...

— Нет! — Вот теперь стало по-настоящему страшно.

— Видишь ли, совокупность факторов такова, что женщину на престоле не примут. Разве что в качестве супруги будущего императора, таким символом преемственности власти. И крови. Поскольку кровь тоже важна. Мой брак лишил меня титула, но не принадлежности к семье. Ты же усыновлен по всем правилам и законом уравниен с прочими детьми.